

ЭФИРИУМ

Судаков Михаил

Эфириум

<https://litres.ru/74489927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть те кто живут наверху — в белокаменных домах Эфириума, где эфирные фонари горят всю ночь и никто не считает монеты за тепло. И есть те кто живут внизу — на Дне, где трубы текут, свет гаснет, а дети болеют от камней которые они же и добывают для чужого благополучия.

Гениальный инженер с Дна, он всю жизнь видел как знание превращается во власть — и как эту власть ревностно охраняют те кто наверху. Эфирные камни, магия, энергия — всё это могло бы принадлежать всем. Но не принадлежит.

Кажется, он наконец понял как это изменить. Соединить то что веками считалось несоединимым — энергию эфира и магию. Дать Дну то что Белая Гавань прятала столетиями.

На этом пути он обзаведётся странными попутчиками — друидом у которого свои счёты с высшими эльфами, беглецом с тёмным прошлым и воином который не помнит откуда пришёл. У каждого своя причина. Но цель — одна: разрушить то что считалось незыблемым.

Вопрос не в том — получится ли. Вопрос в том — какой ценой.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Последний свет	7
Глава 2. Бойцовые ямы	26
Глава 3. Мокрое дело	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Судаков Михаил

Эфириум

ПРОЛОГ

Дно никогда не спит.

Оно лишь дышит тяжелее по ночам — когда гасятся лавки, захлопываются ставни и последние честные люди запираются на все засовы. Тогда улицы принадлежат только туману, эфирным испарениям и тем, кому нечего терять.

Сайлас был из последних.

Он сидел на крыше старого склада, там, где кончались ровные булыжники купеческого квартала и начинался хаос трущоб. Внизу дымили трубы, мерцали синие огни эфирных фонарей — тех, что гильдия устанавливала не из заботы о жителях Дна, а чтобы видеть, что происходит в тёмных углах. Сайлас это знал. Он знал много чего, чего лучше бы не знал.

На колене у него лежал потрёпанный блокнот. Левая рука — не из плоти — сжимала его слишком крепко. Бронза и сталь, суставы из полированного камня, в каждом углублении — рунные насечки тоньше волоса. При определённом освещении они светились. Сейчас они молчали.

— Искра, — сказал он тихо.

Что-то зашевелилось у него за спиной. Маленькая фигурка — кошачий силуэт из потемневшего металла — переступила с лапы на лапу и потёрлась о его плечо. Из груди зверька доносилось мерное урчание: работал кристалл — крошечное сердце из эфира, вписанное в руну, которую Сайлас чертил ночи напролет, пока у него не начали неметь пальцы. Те, что ещё могли неметь.

— Всё нормально, — солгал он ей.

Искра посмотрела на него янтарными линзами и мотнула головой.

Где-то внизу упала бутылка. Пьяный смех. Короткий крик. Тишина. Дно жило своей жизнью, не спрашивая разрешения.

На секунду туман внизу застыл — не просто задержался, а именно застыл, как будто задержал дыхание. Сайлас всмотрелся. Ничего. Обычный туман, обычная ночь. Он потёр глаза механической ладонью и списал это на третью бессонную ночь подряд.

Сайлас открыл блокнот на странице, исписанной формулами. В центре листа — схема, которую он рисовал и перерисовывал уже больше двадцати раз. Идеальный стабилизатор. Источник энергии, который не взрывается. Лечение, которое не убивает.

Он мог бы рассказать, почему это важно. Мог бы объяснить про сестру, про отца, про руку — про обугленную

плоть, которой больше нет. Но он не любил объяснять. Объяснения — это слова. А слова не лечат эфирную чахотку.

Он закрыл блокнот.

Убрал его в сумку, потрепал Искру за металлическое ухо и посмотрел вниз — туда, где светилось окно таверны «Последний свет». Там его не ждали. Он туда и ходил без дела — сесть где-нибудь с кружкой, смотреть на людей. Просто смотреть.

Сайлас встал.

Протез поймал свет фонаря, вспыхнул рунами на долю секунды — и погас.

Он прыгнул вниз.

Глава 1. Последний свет

«Последний свет» оправдывал своё название — не потому что здесь было светло, а потому что горел. Всегда. В любую погоду, в любое время суток. Когда Дно тонуло в кислотных туманах и эфирные фонари на улице гасли один за другим — над дверью таверны всё равно теплился белый огонёк. Не приглашение. Скорее — обещание. Мол, заходи. Хуже не будет.

Сайлас толкнул дверь.

Внутри было пусто — почти. Поздний час, или слишком ранний: граница стирается, когда не спишь достаточно долго. Эфирные светильники под потолком горели вполнакала, бросая тёплые зелено-жёлтые полосы на деревянные столы. Пахло горьким элем, воском и чем-то травяным.

На сцене в дальнем конце зала кто-то танцевал.

Сайлас остановился у порога.

Галатаэль — эльф с движениями, которые выглядели издевательски легко, как будто кости у него были сделаны из другого материала, — кружился в центре пустой сцены. Плащ летел за ним. Чёрные волосы качались у щёк — короткие, как и всё на нём: доспех из тёмной кожи, портупея, штаны без лишней детали. Ни одной вещи, которая бы мешала. Клан «Танцующий клинок» воспитывал убийц, способных слиться с тенью и нанести удар между ударами сердца. Гала-

таэль воспринял это слишком буквально и добавил к философии клинка нечто своё: он просто любил танцевать. Везде. Всегда.

Сайлас проследил за ним взглядом секунду и пошёл дальше.

У барной стойки, навалившись на локти, сидел Марвин. Друид был в своей обычной позе — задумчиво уставившись в кружку, как будто там можно было прочесть что-то важное. Напротив него Барлог — полуорк с кожей бледно-зелёной, что переходила в бледно-коричневый ближе к ладоням, и руками, которыми удобнее было бы ломать заборы, чем протирать стаканы, — методично полировал очередной бокал. Разговор у них шёл неспешный, из тех, что начинаются ни о чём и заканчиваются тоже.

Третий звук в помещении был другим.

— Ну давай же, — буркнул Грог. — Давай, я сказал.

Он стоял в углу перед аудиальной машиной — высокий ящик из тёмного дерева и бронзы, с рядом кристаллических слотов вдоль боковой панели. Машина умела извлекать звук из аудиальных кристаллов и воспроизводить его так, что казалось — музыканты где-то рядом. Замечательное устройство. Сейчас оно светилось, жужжало, подмигивало зелёным — и упорно не желало играть то, что Грог от него хотел.

Грог ударил по корпусу ладонью.

Машина мигнула и замолчала.

— Ты её ломаешь, — сказал Барлог, не оборачиваясь.

— Она сама виновата.

— У неё нет вины. Это машина.

— Значит, плохая машина.

Барлог вздохнул. Посмотрел в сторону входа — увидел Сайласа, который как раз снимал с плеча сумку, — и поднял тяжёлую руку. Указал на аудиальную машину в углу. Потом на Сайласа. Коротко, без слов.

Жест был красноречив: сначала туда, потом сюда.

Сайлас посмотрел на Грога. Посмотрел на машину. Обратно на Барлога.

— Нальешь?

— Первая — за починку.

Сайлас подошёл к машине. Грог посторонился — не слишком охотно, но посторонился. Он смотрел на Сайласа так, как смотрят люди, которые не понимают, как именно происходит что-то умное, но ценят результат.

— Чего ты хотел?

— Песню, — сказал Грог. — Ту, про море. Там в начале такой... — он сделал неопределённый жест рукой, — ...такой звук.

— Про море, — повторил Сайлас.

— Ну да.

Сайлас снял заднюю крышку — четыре бронзовых зажима, один немного перекошен, это он заметил ещё в прошлый раз. Внутри машины теснились кристаллические гнёзда, тонкие нити передаточных рун, маленький эфирный пре-

образователь в центре. Один из кристаллов сидел в гнезде под углом. Контакт терялся при вибрации — при каждом ударе Демьяна пропадал сигнал и машина сбрасывалась на первый трек.

Механическая рука зашла в корпус. Пальцы — которые чувствовали по-другому, не теплом, а давлением и сопротивлением — нашли гнездо, выровняли кристалл, зафиксировали.

Сайлас закрыл крышку.

— Готово.

Машина ожила. Поискала. Нашла. Из бронзовых решёток полился звук — действительно похожий на море, если море было сделано из эфира и струн.

Грог медленно кивнул — с видом человека, чья правота только что подтвердилась.

Сайлас подошёл к стойке и сел рядом с Марвином. Барлог уже тянулся к нужной бутылке — без вопросов, по памяти. Налил.

Некоторое время они молчали. Галатаэль на сцене поменял темп — теперь двигался медленнее, прислушиваясь к новой мелодии. Грог осел на скамейку у стены с видом глубокого удовлетворения. Марвин смотрел в кружку.

— Значит, так, — сказал Барлог.

Тон был другой. Не «спасибо», не «налить ещё?» — другой.

Он поставил локти на стойку и наклонился чуть вперёд.

Негромко, но так, чтобы слышали все, кому надо.

— Я знаю вас уже давно. Всех, кто сейчас здесь. И я знаю, что вы держите слово, когда его даёте.

— Поэтому я хочу предложить вам работу. Не совсем честную.

Галатаэль остановился посреди движения. Медленно повернул голову со сцены.

Грог приоткрыл один глаз.

Марвин наконец оторвался от кружки.

Барлог положил на стойку небольшой кожаный мешочек. Завязанный. Тяжёлый — судя по звуку, с которым лёг на дерево.

— У меня есть десять эфирных камней. Необработанных. Мощность — неизвестна. Мне нужно, чтобы их отнесли в Межень.

Он произнёс это название так, как произносят вещи, о которых лучше не говорить вслух лишний раз.

— Там найдёте женщину. Тифлинга. Её зовут Колючка.

Герои переглянулись.

Марвин уже открыл рот — и не успел.

Дверь таверны слетела с петель.

Восемь дварфов вошли так, как входят люди, которым не нужно спрашивать разрешения. Широкие, низкие, в броне цвета белёного камня — с эмблемой Эфириума на нагрудниках. Три мушкета подняты. Остальные — с короткими тесаками наголо. Командир встал в центре дверного проёма и

оглядел зал без спешки, как оглядывает человек, уже знающий ответ на вопрос.

— Приказ сто тринадцать, — произнёс он ровно. — Задержать всех, без исключения, находящихся в таверне «Последний свет». При попытке сопротивления — огонь на поражение.

Тишина.

Музыка из аудиальной машины всё ещё играла — про море, — и это было почти смешно.

Время как будто сгустилось. Сайлас почувствовал, как взгляды вокруг него медленно ищут друг друга: Марвин — на него, он — на Грога, Грог — на сцену. Четыре человека, каждый со своей мыслью, и каждая мысль — одна и та же.

Не сегодня.

Первым сорвался Галатаэль.

Он прыгнул со сцены ещё до того, как командир договорил последнее слово — вверх и вперёд, без разбега, без крика. В воздухе его рука нашла небольшой прибор на поясе и щёлкнула переключателем.

Звук появился раньше, чем он приземлился.

Это нельзя было назвать музыкой. Это нельзя было назвать шумом. Что-то среднее между скрипом раздираемого металла и воем, который слышишь не ушами, а где-то за глазами. Галатаэль называл это «Какофонией» — с той теплотой в голосе, с которой называют любимые вещи. Все, кто оказывался рядом, получали её как удар изнутри черепа.

Командир успел сделать полшага назад и поднял руку к голове.

Галатаэль уже стоял за его спиной.

Захват — чёткий, профессиональный, с предплечьем поперёк горла. Командир дёрнулся, попытался достать оружие — рука эльфа перехватила запястье и завела его за спину. Всё это заняло меньше времени, чем нужно, чтобы это описать.

— Тихо, — шепнул Галатаэль ему в ухо почти ласково. — Какофония не любит резких движений.

Грог к этому моменту уже встал. Скамейка опрокинулась за ним. Меч вышел из ножен с тем коротким певучим звуком, который бывает только у хорошо наточенной стали, — и он пошёл на стражников с видом человека, у которого не было никаких сомнений никогда в жизни.

— Марвин.

Барлог говорил тихо и быстро, почти не двигая губами, глазами показывая куда-то за стойку.

— Под печью. Люк. Ведёт в канализацию. Выход — на улицу «тёртый медяк».

Марвин запомнил.

Сайлас не слушал. Он уже снял с пояса маленькую отвёртку и работал с запястьем механической руки — там, где сошлись три передаточных узла. Что-то нужно было переключить. Что-то нужно было успеть.

Один из стражников — тот, что стоял у правой стены с

мушкетом, — видел всё это. Захват. Командира. Грога, летящего на строй. Рука нажала раньше, чем голова успела что-то решить. Он развернул мушкет к барной стойке.

Выстрел был коротким и очень громким.

Пуля вошла в грудь — чуть правее центра. Звук был такой, что Сайлас почувствовал его раньше, чем услышал. Полуорк сделал шаг назад, опрокинул бутылку, медленно осел спиной вдоль стойки — и сполз на пол, не выпуская из руки тряпку для стаканов.

Мешочек с камнями остался лежать на стойке.

Сайлас опустил отвёртку.

Посмотрел на Барлога.

Посмотрел на стражника, который уже перезаряжал мушкет.

Что-то в механической руке тихо щёлкнуло — не сломалось. Встало на место.

Сайлас посмотрел на Барлога.

На тряпку в его руке. На то, как она медленно темнеет.

Просто уйти уже не получится.

Он нагнулся, не глядя нашёл Искру рукой — та стояла у его ног, прижав уши, янтарные линзы переключились в боевой режим. Он нажал за ушами — одновременно, двумя пальцами. Кошка издала короткий звук, почти вздох, и начала складываться: лапы, хвост, голова — всё убралось внутрь с тихим металлическим шелестом, пока в руке не осталась небольшая бронзовая коробка с клепками и двумя острыми

ушами сверху. Он защёлкнул её на ремне.

Развернулся.

Галатаэль поймал его взгляд через зал. Сайлас едва заметно мотнул головой — резко, вбок. Отпусти. Прыгай.

Эльф понял.

Командир получил свободу ровно на столько, сколько ему было нужно, чтобы упасть на колени. Галатаэль уже был в воздухе — далеко, в сторону, за опрокинутые столы.

Грог уже неся к строю — спиной к Сайласу, между ним и стражниками оставалось шага три. Крикнуть? Не услышит в этом грохоте. Махнуть рукой? Не увидит.

Сайлас поднял руку. Не ту, что из плоти. Ту, что из металла и рун — и пистолет вместе с ней: рунные насечки вдоль всего ствола, от рукояти до дула. Не волшебная палочка. Не мушкет. Что-то, чему ещё не придумали названия — и чему не нужны были патроны. Где-то в груди — не в механизме, а глубже — что-то резко сжалось. Не страх. Злость. Чистая, как эфирный ожог.

Он взглянул на Барлога, сидящего на полу без признаков жизни.

И сквозь него — как сквозь стекло — он вдруг увидел другое.

Он вышел всего на минуту.

Когда вернулся, в щели под дверью горел свет. Заглянул в окно — отец стоял у дальней стены, спиной к нему, склонившись над механизмом на столе. Работал. Как всегда ра-

ботал. Протез царапнул раму — два медных пальца, холодных, грубых, — когда Сайлас потянулся к ручке двери.

Потом всё стало белым.

Когда свет рассеялся, дома почти не было. Стены — наружу. Что-то ещё горело. Он шёл по обломкам, не чувствуя, как они режут ноги, пока не остановился.

Три силуэта на полу. Выжженные. Как тени без людей.

И рядом — маленький камень. Ярко-зелёный. Почти нетронутый среди всего этого.

Конец воспоминания.

Он нажал на курок.

Свет повёл себя странно.

Он не вырвался наружу — он начал падать внутрь. Из воздуха, из эфирных ламп под потолком, из самого пространства между вещами — тонкие нити потянулись к дулу, как будто что-то очень большое и очень тихое делало первый вдох. Абсолютно беззвучно.

Из ствола вышел шар.

С медяк размером, красный — как солнце, когда оно почти ушло за горизонт. Он не летел как пуля. Он разгонялся. Медленно, потом быстрее, потом ещё — и сжимался на ходу. К середине зала — уже меньше. У строя стражников — почти ничего, едва заметная точка. Ни звука. Ни вибрации. Чистая, немая энергия.

Потом он пропал.

Полсекунды тишины.

От стражников почти не осталось следа. Ботинки. Несколько металлических деталей. Стена за ними вылетела на улицу целиком.

Взрыв был не громкий — он был объёмный. Не хлопок, а толчок изнутри, как будто само здание чихнуло. Камень, балки, штукатурка — всё это вылетело наружу аккуратным веером и осыпалось на мостовую. Бочки с «огневухой» лопнули разом, жидкость разлетелось и загорелось.

Грога снесло взрывной волной. Он пролетел над тремя столами и остановился о четвёртый. Полежал секунду. Сел. Потряс головой.

— Нормально, — сообщил он в никуда.

Барлог дышал — коротко, с хрипом, но дышал. Кровь на рубашке успела потемнеть по краям. Сайлас подхватил его под мышку, кивнул Марвину — тот уже отодвигал печь, успел, пока всё горело.

Люк был там, где Барлог и говорил.

— Быстро, — сказал Марвин.

Галатаэль появился из ниоткуда, подхватил полуорка со второй стороны. Лестница уходила в темноту — длинная, железная, с запахом снизу таким, что Галатаэль немедленно зажал нос свободной рукой.

— Я вниз не пойду.

— Придется, — сказал Сайлас.

Пошёл.

Спускались молча, в темноте, только металл лестницы под

руками и звук капель откуда-то снизу. Барлог не стонал — это было или хорошим знаком, или плохим. Марвин считал ступени шёпотом. Галатаэль держался в стороне от стены, чтобы не испачкаться.

Последним шёл Грог.

Он был тяжёлым всегда. Полез последним, потянулся закрыть люк — и на второй ступени оступился. Руки ушли. Все остальные были ниже.

Он упал со всем своим весом — прямо вниз, на всех, кто стоял под ним.

Звук был такой, что птицы, наверное, снялись с крыш по всей улице «Тертого медяка».

Потом была тишина.

Потом — медленно — из темноты донёсся голос Галатаэля. Очень тихий. Очень ровный.

— Грог.

— Да?

— Я тебя убью.

— Руки соскользнули.

— Это не меняет моего решения.

Сайлас сидел по пояс в том, о чём лучше не думать, держал на руках бессознательного полуорка и смотрел вверх — туда, где в щели люка мигало оранжевое. Таверна горела.

Мешочек с камнями успел схватить Марвин.

Сайлас закрыл глаза.

Десять эфирных камней. Межень. Женщина по имени Ко-

лючка.

Течение несло их медленно, без спроса.

Сайлас держал Барлога на весу — тот дышал, хрипло, через раз. Рана в груди не выглядела лучше от темноты. Просто темнее.

Марвин подплыл ближе. Достал из-за пазухи мешочек — каким-то образом сухой, — высыпал на ладонь горсть трав и без предисловий сунул их в рану большим пальцем. Методично. Глубоко.

— Это поможет? — спросил Сайлас.

— Задержит. — Марвин не отрывал взгляда от раны. — Здесь ему нельзя кровоточить.

Это был медицинский факт. Это также было единственным, что шестисотлетний друид мог сделать в темноте, по пояс в том, о чём лучше не думать, с горстью сушёных трав и одним большим пальцем.

Он вдавил чуть глубже. Барлог застонал.

— Живой, — сказал Марвин. Это тоже прозвучало как медицинский факт.

Где-то за спиной Грог отплёвывался. Галатаэль плыл молча, с видом существа, которое приняло все решения сразу и больше не намерено их обсуждать.

Шум нарастал.

Никто не понял откуда — просто впереди что-то гудело, низко, равномерно. Галатаэль прислушался. Марвин нахмурился. Грог сплюнул.

Потом под ногами не стало дна.

За те секунды пока они летели вниз, Сайлас уже шарил рукой в сумке — глубоко, не глядя. Выхватил горсть чего-то плоского, размером с десяток монет, и резким размашистым броском швырнул их в стороны.

Падение замедлилось.

Не остановилось — замедлилось. Как будто воздух вдруг стал гуще. Над каждым раскрылось что-то маленькое и круглое, почти игрушечное.

— Что это?! — крикнул Галатаэль.

Никто не ответил. Некогда.

В темноте внизу обозначились две трубы. Одна уходила на север, другая — на восток. Широкие. Выбора не было — только направление и секунда на решение.

Сайлас оттолкнул Марвина с Барлогом в сторону восточной. Грог ушёл следом — не потому что понял, а потому что так получилось.

Сайлас по инерции влетел в северную.

Темнота сомкнулась. В восточной трубе Грог что-то прокричал — слова уже не разобрать.

Команда разделилась.

Идти можно было только вперёд. Сайлас шёл.

Через какое-то время он почувствовал взгляд.

Не услышал — почувствовал. Сзади. Он остановился, присел, развернулся. Потёр пальцем руну на запястье — протез отозвался тусклым холодным светом.

В нескольких шагах за ним сидело что-то.

То ли собака. То ли куча земли и глины, которая однажды решила стать собакой и остановилась на полпути. Глаза у неё были отчётливые. Очертание рта — тоже. Всё остальное — вопрос.

Оно не двигалось. Не издавало звука. Просто смотрело.

Сайлас повернулся и сделал шаг.

Обернулся. Существо тоже сделало шаг. Замерло.

Он сделал ещё один. Оно — тоже.

Сайлас остановился и подумал, что это, вероятно, не к добру.

Поворачиваться спиной больше не хотелось. Он присел, медленно вытянул руку вперёд — раскрытую, ладонью вниз. Так делают с собаками. Дают обнюхать. Проявляют уважение.

Существо цапнуло его за пальцы.

Не до крови. Не сильно. Но достаточно резко, чтобы почувствовать боль.

Он убрал руку. Посмотрел на неё. Посмотрел на существо. Существо смотрело в ответ. Оружие он доставать не стал — труба вокруг была узкая, каменная, и идея взрыва в замкнутом пространстве его не вдохновляла. Да и существо больше не нападало. Просто ждало.

Прошло несколько минут.

Оно приблизилось первым — медленно, бочком. Сайлас присел. Существо ткнулось мордой ему в лицо и провело

языком по правой щеке.

Запах был такой, что у него едва не закрылись глаза.

Он поднялся. Провёл рукой по щеке. Повернулся.

Ну и ладно, — подумал он. — Бывает.

Он сделал шаг вперёд.

Резкое движение сзади. Рывок ткани.

Сайлас обернулся. В темноте коллектора угасал слабый плеск. Существа не было. Штанов — тоже. На поясе одиноко висел ремень.

Трубы сходились. Голоса впереди становились всё отчётливее.

Сайлас вышел к остальным с сумкой на бёдрах, двумя прорезанными отверстиями под ноги и ремнём поверх всего этого.

Галатаэль посмотрел на него.

— Весенняя коллекция? — спросил он наконец.

— Меня ограбили.

— В канализации.

— Да.

Галатаэль перевёл взгляд на правую щеку Сайласа, где темнел широкий влажный след. Потом решил не уточнять.

Марвин мельком взглянул на укус. Потом на то, что их окружало. Потом снова на Сайласа.

— «Гов_ед», подумал он. Осадочный падальщик, — он произнес. — Ты для него пах как ужин.

— Понятно, — сказал Сайлас.

Галатаэль достал из-за спины свёрнутые штаны и протянул молча.

— Откуда у тебя запасные? — спросил Сайлас.

— Профессиональная привычка.

— Танцоры носят запасные штаны?

— Танцоры носят всё, что может понадобиться, — сказал Галатаэль тоном человека, закрывающего тему.

Грог посмотрел на штаны. Потом на Галатаэля. Потом снова на штаны.

— Подождите, — сказал он. — Он что, всегда ходит с двумя штанами?

Никто не ответил.

— Это же странно, — добавил Грог.

Шахта расходилась в стороны — широкая, каменная, с нишей у восточной стены, откуда уходила вверх ржавая лестница.

Они остановились здесь.

Барлог пришёл в себя тихо. Сначала — хрип. Потом — попытка сесть. Марвин положил руку ему на плечо.

— Лежи.

Барлог лёг. Уставился в потолок. Потом осмотрел всех по очереди — мокрых, вонючих, с травами, торчащими у него из раны. Взгляд остановился на том, что было надето на Сайласе. Барлог открыл рот.

Закрыл.

Не время.

— Слушайте, — сказал он. Голос хрипел, но держался.
— В городе есть схрон. Отсюда недалеко. Через этот люк выйдете — разберётесь.

— Твой? — спросил Сайлас.

— Мой. Доставьте меня туда. Там лягу, приду в себя. А вы...

Он снова окинул их взглядом.

— ...помоетесь.

Галатаэль закрыл глаза. Открыл. И произнёс с чувством, которого не испытывал уже несколько часов:

— Веди.

Носилки собирали молча — доски от ящиков у стены, ремни, меч Грога поперёк для жёсткости, посох Марвина вдоль. Барлог наблюдал за процессом с видом человека, которому всё это не нравится, но сил возражать нет.

Подняли. Почти аккуратно.

Наверху пахло городом — сыростью, дымом, чем-то жареным где-то вдалеке. После канализации это казалось почти роскошью.

Барлог указал подбородком на дверь в конце переуллка. На ней был выжжен знак — две кружки, чокающиеся над чертой.

— Ударьте один раз, — сказал он. — Сильно.

— Это пароль? — спросил Сайлас.

— Это пароль.

Грог постучал. Дверь вздрогнула в петлях.

Засов отошёл. Обе створки распахнулись разом.

На пороге стоял кот.

Точнее — табакси. Рыжий, в расстёгнутой жилетке, с остановившимся взглядом и тихим урчанием, которое он, судя по всему, сам не замечал. В лапе — небольшой мешочек. В воздухе плавал сладковатый запах, не имевший никакого отношения к алкоголю.

Рядом стоял полурослик. Ростом — чуть выше пояса. Лицом — совершенный ребёнок: круглые щёки, курносый нос, большие глаза. Если бы не взгляд, которым он сейчас смотрел на вошедших, его можно было бы принять за потерявшегося мальчика.

Грог осмотрел обоих.

— Подождите, — сказал он. — Нам поможет кот и ребёнок?

Полурослик посмотрел на него.

Мгновение.

Грог сидел на земле и хлопал глазами. Не больно. Просто — только что стоял, и вот уже сидит. Он посмотрел на полурослика. Потом на кота, кот ухмыльнулся и поднес мешочек к лицу.

Не понял. Подумал Грог. Они занесли Барлога внутрь.

Тот лёг на широкую лавку у стены, закрыл глаза и долго молчал. Потом сказал — тихо, не открывая глаз:

— Я остаюсь здесь. Пока не заживёт. — Пауза. — Если всё ещё хотите заработать — найдите Колючку.

Глава 2. Бойцовые ямы

Ночь отступила неохотно.

Не как уходит ночь наверху — где первые лучи уже касаются черепицы, пока внизу ещё темно. На Дне ночь просто... переставала давить. Фонари горели всегда. Туман не рассеивался никогда. В какой-то момент становилось просто ясно, что уже утро.

Они вышли из схрона за час до того, как город окончательно проснулся.

Сайлас шёл первым. Искра трусила рядом — слева, чуть позади. Иногда он забывал, что это не настоящая кошка. Потом она делала что-нибудь, что напоминало об этом. Сегодня трижды останавливалась, поворачивала голову к водосточной трубе — и снова шла без объяснений.

Марвин держался в конце. Не отставал, но и не торопился. Заложил руки за спину, смотрел вверх — туда, где трубы смыкались над улицей. Изучал. Или думал. С ним никогда было не понять.

Галатаэль шёл в середине и молчал, что уже само по себе говорило кое-что о прошлой ночи в схроне Барлога.

Грог время от времени задевал плечом здания. Не специально.

Большая часть города ещё спала. Позади иногда — хлопок двери, далёкий кашель, звон бутылки о мостовую. До Меже-

ни шли молча около часа.

Сайлас услышал её раньше, чем увидел.

Звон металла. Мерный стук чего-то тяжёлого о что-то пустое. Тихое шипение, которое не было паром — или было, но другого сорта. И под всем этим — ровный, низкий гул. Как гудит большой двигатель, когда не знает, что его слушают.

Потом из тумана выступили крыши.

Нет, не крыши — надстройки. Башенки, трубы, кожухи вентиляции, антенны непонятного назначения. Всё медное, местами позеленевшее, местами натёртое до блеска. Заклёпки через каждые несколько сантиметров. Трубы уходили вниз в мостовую и поднимались к другим трубам — между ними не было ничего похожего на план, только накопленная годами необходимость что-то куда-то соединить.

Грог остановился.

— Это что, весь город из труб?

— Почти, — сказал Сайлас.

Межень.

Небольшой. Грязный. Медный насквозь — даже воздух здесь пах по-другому: металл, горелое масло, что-то кисло-ватое, что Сайлас не стал идентифицировать. Улицы были узкими, а постройки стояли так близко друг к другу, что местами их соединяли переходные мостики — не деревянные, медные — с перилами и всем прочим. Как будто строители в какой-то момент решили, что проще соединить дома, чем

добавлять лестницы.

Торговля шла прямо на улице. Не рынок — назвать так не получилось бы. Скорее: несколько человек, которые вынесли свои дела наружу. У стены — длинный стол под провощённым брезентом, под которым угадывались очертания предметов. Рядом открытый ящик, полный чего-то поблёскивающего. Человек с повязкой на глазу жевал не торопясь и смотрел в никуда. Обычные люди сюда не заходили.

Это было видно не по вывескам и не по заборам. Это было видно по тому, как никто не смотрел на Искру.

На Искру всегда смотрели. Дети тыкали пальцем. Взрослые останавливались. Здесь — никакого интереса. Механическая кошка на улице? Нормально. Мало ли.

Сайлас замедлил шаг.

— Нам нужен кто-то разговорчивый, — сказал он негромко. — Но не тот, кто разговаривает со всеми.

— Вон тот, — сказал Марвин.

Торговец стоял у угла. Невысокий, широкоплечий, с бородой в три цвета — рыжий снизу, серый к вискам, что-то неопределённое посередине. На ремне висело с десятков небольших ключей. Перед ним на складном столике — устройства, каждое непонятно для чего, но явно работающее: что-то жужжало, что-то медленно вращалось, в одном приборе по стеклянным трубкам двигалась жидкость синего цвета.

Торговец что-то регулировал отвёрткой. Не торопясь. Как

человек, у которого нет причин торопиться.

Сайлас подошёл.

— Ищу человека.

Торговец не поднял голову.

— Здесь все кого-то ищут.

— Женщина-тифлинг. Её называют Колючка.

Теперь поднял. Оглядел Сайласа. Механическую руку. Искру. Снова Сайласа.

— Знаю такую.

— Где её найти?

— Хороший вопрос. — Торговец вернулся к отвёртке. — Что дашь?

Сайлас открыл рот.

— Одно ожерелье, — сказал Марвин, выйдя вперёд.

Торговец снова поднял глаза. Чуть внимательнее.

Марвин действительно носил несколько ожерелий — разных, некоторые явно старые, некоторые с камнями, которых Сайлас не когда не видел. Одно Марвин снял и положил на край столика. Медленно, без спешки.

Торговец смотрел.

— Не возьму, — сказал он наконец. — Откуда мне знать, чего оно стоит. Лучше монеты.

— Монет нет, — сказал Марвин. — Но у меня есть предложение лучше. Одна партия. Ты выигрываешь — ожерелье твоё, и ты можешь ничего не говорить.

— А если проиграешь?

— Расскажешь, где найти Колючку, и ожерелье всё равно твоё.

Торговец опустил отвёртку. Смотрел на Марвина — уже иначе. Взвешивал. Люди, которые предлагают такие условия, либо очень уверены, либо очень глупы. Этот старик выглядел скорее как первое, но кто его знает.

— В какую игру? — спросил торговец.

— Драконья пасть, — сказал Марвин.

Что-то в лице торговца чуть изменилось. Не улыбка. Но близко.

— Берёшь кости?

Стол освободили. Ожерелье положили рядом, у столба. Торговец вытащил из-под прилавка мешочек. Высыпал — десять двадцатигранных костей, белых, чуть пожелтевших от времени, с чёрными цифрами. Разделил по-быстрому: пять и пять.

Галатаэль встал сбоку, скрестил руки. Грог навис сзади — больше некуда было деваться.

— Кто первый бросает? — спросил торговец.

— Ты, — сказал Марвин.

Торговец накрыл свои кости ладонью, встряхнул и бросил под брезентовый козырёк — так, чтобы результат был виден только ему. Смотрел секунду. Ещё секунду.

— Нижняя — семь. Верхняя — семнадцать.

Марвин взял свои кости. Не встряхивал — просто опустил

ладонь и поднял одним движением, будто это было не броском, а формальностью. Смотрел долго.

— Нижняя — девять. Верхняя — шестнадцать.

Пасть сжалась.

Торговец глянул на свои кости. Пасть: от девяти до шестнадцати. Его числа, которые в неё попадали — восемь не подходило, восемь было снаружи. Двенадцать — да. Пятнадцать — да.

— Нижняя — двенадцать. Верхняя — пятнадцать.

Пасть снова сжалась. Торговец чуть откинулся назад, переложил пальцы. Жест маленький, почти незаметный — но он успел. Торговец думал, что поймал.

Марвин смотрел на свои кости. Один взгляд вниз. Один.

— Нижняя — тринадцать, — сказал он тихо. — Верхняя — четырнадцать.

Грог сзади громко выдохнул.

Торговец наклонился над своими костями. Долго. Пасть: тринадцать — четырнадцать. Его числа в этом промежутке... двенадцать — снаружи, слева. Пятнадцать — снаружи, справа. Пустота.

Тишина.

— Нет хода, — сказал торговец.

Сказал почти спокойно. Только отвёртку поднял — и положил в другое место.

Марвин кивнул.

— Где Колючка?

Торговец помолчал ещё секунду.

— Бойцовые ямы. Западный край Межени. Обычно там ближе к вечеру. — Пауза. — Раньше трёх не ходите. Раньше трёх там другие люди.

Он взял ожерелье и убрал под прилавок.

Марвин уже поворачивался.

— погоди, — сказал Сайлас. — Что значит «другие люди»?

Торговец посмотрел на него без выражения.

— Значит — другие люди. — И снова взялся за отвёртку.

Они отошли достаточно далеко, прежде чем Галатаэль открыл рот.

— Когда ты вообще научился играть в драконью пасть?

— Я не учился, — сказал Марвин. — Я наблюдал, как в неё играют. Лет двести назад. Приблизительно.

Грог подумал.

— Это нечестно.

— Это опыт, — сказал Марвин. — Разница есть.

Сайлас шёл вперёд и смотрел на западный край Межени. Бойцовые ямы. До вечера оставалось часа четыре, нужно было где-то переждать.

Искра прошла через лужу медного масла и не заметила.

Сайлас шёл рядом с Марвином около минуты, прежде чем спросил.

— Что это было за ожерелье?

Марвин не ответил сразу. Достал оставшиеся с пояса, перебрал пальцами. Нашупал пустое место и сказал.

— Путеводная звезда. Когда заходит солнце — возвращается ко мне. Всегда. Куда бы ни ушло.

Сайлас посмотрел на него.

— Само?

— Само.

Сзади.

— Ну, — сказал Грог. — Это точно обман.

Марвин обернулся.

— Нет, Грог. — Пауза. — Это тоже опыт. Только другого рода.

Грог открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— То есть ты знал, что оно вернётся.

— Я всегда это знаю.

— А торговец не знал.

— Нет.

Грог ещё немного шёл молча. Потом:

— Это всё равно обман.

— Возможно, — согласился Марвин. — Но торговец получил ожерелье. До захода солнца оно его.

Галатаэль вышел вперёд и молча показал рукой на узкий проход между двумя постройками — достаточно широкий, чтобы сесть, достаточно тёмный, чтобы не бросаться в глаза. С одной стороны — глухая медная стена, с другой — труба, которая что-то негромко гнала внутри себя. Тепло. Почти

уютно, если не думать об остальном.

Они уселись. Ждать оставалось часа три.

Сайлас вытащил отвёртку.

Искра легла на бок, позволила — привыкла. Он нашёл панель под левой лопаткой, поддел, открыл. Внутри что-то чуть потрескивало. Не тревожно, просто — потрескивало. Он начал смотреть, где именно.

Галатаэль встал.

Никто ничего не сказал. Он просто встал и ушёл за угол. Тихо — не потому что старался, а потому что иначе не умел. Шаги у него были как у кошки, которая решила, что пол сегодня не заслуживает звука.

Марвин смотрел в стену напротив.

Грог сидел, вытянув ноги.

Минут через пять за углом послышался сытый запах — жареный лук, мясо, что-то пряное. Галатаэль вернулся с четырьмя булками, завёрнутыми в промасленную бумагу. Тёплые. Раздал молча. Сел. Откусил.

Грог уже жевал, когда до него дошло.

— Стой. Ты платил?

Галатаэль посмотрел на него.

— За что?

— За булки.

— За чужие булки не платят, — сказал Галатаэль. — Их берут.

Грог открыл рот. Закрыл. Посмотрел на булку.

— Это воровство.

— Это обед.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказал Галатаэль терпеливо. — Воровство — это когда тебя видят. — И снова откусил.

Грог ещё секунду смотрел на булку. Потом тоже откусил. Думать об этом дольше не имело смысла.

Галатаэль доел, скомкал бумагу, лег на ящики, положил под голову и закрыл глаза.

— Ты давно так ходишь? — спросил Грог у Марвина.

— Давно.

— Откуда ты?

— Была долина. — Марвин помолчал. — Хорошая. Там росло всё, что должно расти. Я следил за ней. — Пауза. — Пришли эльфы. Нашли под ней камни, захотели добывать. Я не дал разрешения.

— И что?

— Сначала забрали невесту. Чтобы я передумал. — Голос ровный. — Я не передумал.

Грог перестал жевать.

— Тогда пустили слух. Что Эфирная Чахотка в той округе — моя вина. Что я не уследил за долиной, что природа взбунтовалась, что люди болеют из-за меня. — Марвин посмотрел на посох, на жёлтый кристалл. — Люди верят таким слухам быстро. Особенно когда рядом болеют дети.

— А невеста?

— Не нашёл.

— А они всё равно добыли?

— Да. — Марвин убрал взгляд от посоха. — И пока добывали — выделения разъели корни. Теперь там ничего не растёт. То, чего они хотели уберечь добычей — уничтожили.

Грог долго молчал.

— Паршиво, — сказал он наконец.

— Да, — согласился Марвин. — Паршиво.

Он не добавил ничего. Грог не спросил. Этого было достаточно.

— А ты? — спросил Марвин.

Грог пожал плечами.

— Я ничего. Хожу. Работаю. — Откусил от булки. — Барлог платил нормально, вот и задержался.

— Откуда пришёл до Дна?

— Не помню. — Сказал легко, как говорят о погоде. — Вообще не помню. Ни детства, ни откуда. Помню, что уже дерусь. Потом ещё дерусь. Потом деньги. Потом снова дерусь.

Марвин смотрел на него чуть дольше, чем обычно.

— Ничего не помнишь?

— Нет. — Грог доел булку, скомкал бумагу. — Не задумывался особо. Зачем? Что было — было.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросил Марвин. — Внут-

ри.

Грог замер на секунду. Посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Иногда. Что-то вроде гудит. Или бьёт — не больно, просто так. Привык уже. — Пожал плечами. — А что?

— Ничего, — сказал Марвин. — Просто спросил.

Он снова посмотрел в стену. Грог тоже посмотрел в стену. Думать об этом он не стал.

Галатаэль встал.

Искра моргнула ещё раз и закрыла глаза.

Сайлас закрыл панель и убрал отвёртку.

До бойцовых ям остался час. Они выдвинулись.

Западный край Межени оказался тише остального. Меньше торговли, меньше труб, меньше движения. Зато больше теней. Улица сужалась постепенно, пока не стала подворотней — узкой, медной, с решёткой где-то в глубине.

И двумя фигурами у входа.

Сайлас замедлил шаг.

Ростом почти под два метра каждый. Широкие, тяжёлые — не от жира, от всего сразу. Тёмная жёсткая шерсть покрывала их с головы до пят, местами сбита в колтуны, местами примятая ремнями кожаной сбруи с медными бляхами. Уши — широкие, заострённые, чуть развёрнутые в стороны. Глаза жёлтые, почти без белков. Носы приплюснутые, с широкими ноздрями. У одного на поясе висела дубина с намо-

танной по рукояти цепью, у второго — ничего видимого, что само по себе настораживало больше.

Багбиры. Стояли у входа так, будто выросли здесь вместе с подворотней.

Один из них посмотрел на группу. Медленно, без спешки — так смотрят, когда уже заранее знают, что ничего интересного.

— Закрыто, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, как гравий под сапогом. — Вход только для дерущихся. Зрителей пустим через час. Без поручительства — не войти.

Галатаэль уже открывал рот.

— Так я бойцов привёл, — сказал он, почти не дав договорить. — Колючка велела. — И указал на Грога и Марвина.

Оба багбира посмотрели на Грога. Потом на Марвина с посохом. Потом снова на Грога.

Это, кажется, сочли приемлемым.

Второй багбир скосил жёлтый глаз на Сайласа. На Искру. Снова на Сайласа.

— А это кто? — В голосе не было вопроса. Только наблюдение. — С живым тостером.

Искра посмотрела на него. Багбир не отвёл взгляд.

— Это наш врач, — сказал Галатаэль.

Сайлас помолчал секунду. Потом молча полез в сумку, достал эндоскоп — тонкая гибкая трубка с линзой на конце, внутри слабо светилось — и поднял так, чтобы было видно.

— Если бой окажется сложным, — сказал он ровно, —

тостер поможет прийти в сознание.

Багбиры переглянулись.

Первый шумно выдохнул через нос. Почесал за ухом — медленно, когтем.

— Ну, — сказал он. — Раз уж Колючка сказала.

— Прямо и налево, — добавил второй. И отступил в сторону ровно настолько, чтобы пройти можно было, но не удобно.

Коридор был низким — Грог шёл чуть пригнувшись. Медные стены, клёпаные, без единого окна. Эфирные лампы через каждые несколько метров — тусклые, жёлтые, как зубы старика. Под ногами — утоптанная земля с металлической крошкой. Пахло потом, горелым маслом и чем-то железисто-сладким.

Потом коридор кончился — и открылось.

Яма была большой. Не в том смысле, что просторной — в том смысле, что она давила сверху и тянула вниз одновременно. Почти круглая, метров пятнадцать в поперечнике, уходящая вглубь на три человеческих роста. Стены — медные листы, кое-где погнутые, кое-где покрытые бурыми пятнами, которые никто не удосужился отмыть. По периметру сверху — грубые перила из труб, за ними ступени вниз, в несколько ярусов. Дно ямы — плотно убитая земля, тёмная от старых пятен.

Эфирные лампы здесь были ярче. Направлены вниз. Свет резкий, без теней — чтобы было хорошо видно всё, что про-

исходит на дне.

Трибуны пустовали.

Почти.

В дальнем секторе сидели люди — человек восемь, не больше. Тихо, кучкой. Говорили вполголоса, что-то передавали из рук в руки. На вошедших покосились — и отвернулись. Не враждебно. Просто дали понять, что не интересно.

Другие люди, — вспомнил Сайлас. Торговец говорил именно так. Без объяснений.

— Надо было подождать час, — сказал Галатаэль негромко.

— Мы уже здесь, — ответил Сайлас.

Шаги сзади.

Лёгкие. Быстрые. Такие, которых не должно быть слышно — но были слышны ровно настолько, чтобы успеть обернуться.

— Ого. Новые бойцы?

Небольшой. Едва до плеча Грогу. Но первое, что замечалось — не рост. Кожа пепельно-серая, как угли после того, как огонь давно ушёл. Уши острые, вытянутые — не короткие гоблинские, а длиннее, с наследственным изгибом тёмных эльфов. Глаза бледно-лиловые, почти белёсые, с узкими зрачками. Волосы — пегие, грязно-белые с прядями цвета мокрого пепла, стянуты в короткий хвост.

Гоблин. Но не тот, каким гоблин должен быть.

Лицо мелкое, острое — скулы, подбородок, нос — всё

будто вырезанное, а не слепленное. Зубы, когда он улыбнулся, были мелкими и частыми. Морщины у глаз и рта — не те, что от возраста, а те, что от долгой привычки что-то просчитывать. Жил он явно дольше, чем должен был. Дроу не торопятся умирать — и эта кровь своего не отдала.

Ну и мерзость, — подумал Галатаэль. Не брезгливо. Скорее — как думают о вещи, которую видишь и которая тебе неприятна, но ты слишком воспитан, чтобы это сказать вслух.

Пока что.

— Кто из вас будет драться? — спросил гоблин.

Галатаэль кивнул на Грога и Марвина.

Гоблин посмотрел на Грога — кивнул, как кивают при виде подходящего инструмента. Потом посмотрел на Марвина. И засмеялся.

Негромко, но искренне.

— Вот этот? — Он мотнул подбородком в сторону друида.
— Да он с бешеным петухом не совладает. Петух пнёт — и готово.

— Тебя это не должно волновать, — сказал Марвин.

Сухо. Коротко. Как закрывают дверь.

Гоблин перестал смеяться. Не обиделся — просто убрал смех обратно, как убирают инструмент, который не понадобился.

Сайлас шагнул вперёд.

— Нам нужна Колючка. Где её найти?

Гоблин поднял взгляд на него. Бледно-лиловые глаза чуть прищурились.

— Аудиенция с Колючкой — не сушёная рыба. С лотка не берут. — Он сложил руки за спиной. — У неё нет времени на каждого, кто ноги переставляет. Не того она поля ягода, чтобы со всяким сбродом встречаться.

— Как тогда?

— Победить.

Гоблин повернулся к яме. Обвёл её взглядом — с видом хозяина, который смотрит на своё имущество.

— Сегодня два турнира. Оба — лесенкой. Кто сильнее — дерётся дальше, вот и весь принцип. К финалу выходят истинные фавориты. Измотанные — но истинные. — Пауза. — Кулачный бой и костяной упор.

— Что такое костяной упор? — спросил Грог.

— Садись напротив. Кладёшь локоть. Берёшь руку. Давишь пока чья-то не коснётся стола. Просто. — Гоблин улыбнулся мелкими частыми зубами. — Честно. Почти всегда.

Он снова оглядел группу. Взгляд скользнул по Грогу, по Марвину — задержался, снова скользнул.

— У вас как раз два бойца. Пустите каждого в свой турнир — шансов больше. Один берёт кулак, другой — упор. — Потёр ладони. Медленно, с удовольствием. — И заработать сможете, если голова работает. Ставку правильно поставите — выйдете отсюда не с пустыми руками.

— У кого ставки? — спросил Сайлас.

Гоблин развёл руки в стороны. Скромный жест человека, которого только что раскрыли, но он совершенно не против.

— У Ямса. — Пауза. — Ямс не обманывает. — Он выждал ещё секунду, явно наслаждаясь моментом. — Будем знакомы. Ямс.

Галатаэль смотрел на него с выражением, которое вслух произносить не стал.

Они отошли к дальней стене.

Сайлас посмотрел на Марвина. Потом на Грога.

— Сможете?

Марвин ничего не сказал. Просто кивнул — коротко, без лишнего.

Грог пожал плечами. Для него это, судя по всему, звучало как вопрос из разряда «ты дышишь?».

Сайлас посмотрел на Галатаэля.

— А у нас с тобой другое задание.

Гоблин уже маячил неподалёку — терпеливо, с видом человека, которому торопиться некуда, но который всё равно немного торопится. Марвин и Грог двинулись следом. Гоблин соизволил их проводить — пошёл чуть впереди, покачиваясь на ходу, что-то негромко насвистывая.

Галатаэль проводил их взглядом. Потом повернулся.

— Ну что? Что за идея?

— Деньги нужны, — сказал Сайлас. — У Ямса воровать опасно. Быстро поймёт что к чему.

Зал начинал наполняться. Медленно, но уже заметно —

с верхних ярусов спускались люди, занимали места у перил, переговаривались вполголоса. Кто-то тащил кружку. Кто-то уже кому-то что-то доказывал.

— Присмотрись к остальным, — сказал Сайлас. — Раз Ямс сказал «ставки лучше делать у меня» — значит, букмекер тут не только он. Найди их. — Пауза. — А я пока смастерю кое-что.

Он полез в сумку. Галатаэль смотрел на него секунду — потом развернулся и пошёл в толпу.

Первые два яруса он прошёл не спеша. Смотрел.

Букмекеры нашлись быстро — двое, у разных секторов. Узнать несложно: стоят на одном месте, к ним подходят, что-то говорят тихо, те кивают и что-то записывают. Не Ямс. Значит — конкуренты, которых Ямс явно не жалует.

Но сначала нужны деньги.

Галатаэль остановился у перил. Огляделся.

И нашёл.

Во втором ярусе, в центре, сидел мужчина — широкий, как комод, в дорогом камзоле из тёмно-бордовой ткани, явно не купленном на Дне. Пальцы унизаны перстнями — не для красоты, а чтобы было видно. На поясе кошель размером с небольшой кулак. Рядом с ним стоял молодой парень — худой, со свежим синяком под глазом, держался так, словно хотел занять как можно меньше места. Мужчина говорил ему что-то негромко, не глядя — парень кивал часто, как

кивают не от согласия, а от страха.

Галатаэль смотрел несколько секунд.

Ясно. Не долг — заработок. Паренька выставят в бою уже сегодня: тощий, испуганный, драться явно не умеет — таких пускают в ямы не побеждать, а эффектно проигрывать, для тех, кто ставит против него по-крупному. Синяк под глазом — не с улицы, а для верности: чтобы выглядел уже битым ещё до боя. Камзол дорогой, а взгляд — как у человека, который давно привык считать чужую боль в монетах.

Жалеть было не о чём.

Галатаэль начал двигаться.

Не быстро. Именно так — не быстро. Быстрое движение замечают. Он шёл как человек, которому просто нужно пройти мимо, и пространство расступалось перед ним само — он не обходил людей, он между ними просачивался, не задевая, не притрагиваясь ни к кому лишний раз. Шаги беззвучные. Плащ не цеплялся за углы.

В тот момент, когда толпа у перил чуть качнулась — где-то сзади с грохотом опрокинулся поднос с кружками, кто-то выругался, взгляды на секунду метнулись туда — Галатаэль прошёл в полуметре от мужчины в камзоле.

Кошель перекочивал за долю секунды. Два пальца, одно движение, никакого звука.

Галатаэль уже стоял на три человека дальше, когда мужчина снова повернулся к парню.

Ямс он нашёл у нижнего яруса. Тот стоял, опершись о перила, смотрел на яму с видом человека, пересчитывающего в уме чужие деньги.

— Ямс.

Гоблин повернулся.

— О. Новый друг. — Улыбка мелкими зубами. — Наду-мал?

— Сто золотых, — сказал Галатаэль. — На победу обоих. Сразу в двух турнирах.

Ямс моргнул. Потом посмотрел на него чуть внимательнее — не с подозрением, а с интересом, каким смотрят на человека, который только что сказал что-то очень глупое или очень смешное.

— Обоих? Твой старик и твой громила — оба победят?

— Да.

Гоблин помолчал секунду. Потом достал из-за пазухи потрепанную книжицу, раскрыл.

— Двадцать к одному, — сказал он. — Новички, никто их не видел, оба сразу — это почти невозможно. Двадцать к одному, и я, честно говоря, добрый сегодня.

Галатаэль достал кошель. Отсчитал сто монет. Положил на перила между ними.

Ямс смотрел на золото. Потом убрал в карман — быстро, привычно, как убирают то, что уже считают своим.

— Имя?

— Галатаэль.

Гоблин что-то черкнул в книжице. Закрыл. Снова улыбнулся — на этот раз шире.

— Приятно иметь дело, Галатаэль.

Сайлас смотрел на яму.

Металл везде. Медные стены, медные перила, медные скобы на ступенях. Заклёпки, трубы, решётки. Место, где всё сделано из металла, — это место, где у нужного человека есть соблазн этим воспользоваться.

Кулачный бой. Костяной упор.

Он подумал ещё секунду. Потом сел на нижнюю ступеньку, Искру поставил на верхнюю.

Нажал ей за ухо — не оба, одно. Она не сложилась. Вместо этого спина между лопатками чуть приподнялась, разошлась по шву — и открылась небольшим ящиком. Внутри, в пазах, лежали инструменты: тонкие, подобранные по размеру. Рядом — компоненты, завёрнутые в кожу, каждый на своём месте.

Искра сидела смирно. Только голова медленно повернулась — посмотреть, что он берёт.

Сайлас работал быстро.

Два браслета из тонкой металлической полосы — загнул, закрепил, выровнял. Незатейливые, грубоватые, но держат форму. Потом взял резец — тонкий, почти игольный — и наклонился над первым.

На внутренней стороне, там, где металл касается кожи, он прочертил руну. Медленно, без спешки — здесь спешки

быть не должно. Символ плюса, но не арифметического: четыре черты, центральная точка, два замыкающих штриха. Не декоративно. Функционально.

На втором браслете — другой символ. Та же структура, обратный порядок штрихов. Знак минуса.

Он отложил резец. Взял оба браслета в механическую руку.

Рунные насечки на его пальцах чуть потеплели — он это чувствовал не как тепло, а как изменение давления. Тихо. Браслеты в ладони тоже отозвались — слабо, тускло, почти незаметно. Руны на их внутренней стороне засветились. Не ярко — как угли под пеплом.

Он убрал руку.

Браслеты молниеносно прыгнули друг к другу — звонкий металлический удар, и они намертво сошлись в ладони.

— Готово, — сказал Сайлас.

Разъединил их. Убрал в карман — по отдельности, подалеже друг от друга.

Закрыв Искре спину. Та моргнула. Он снял её со ступеньки и сложил убрав на пояс — здесь слишкомлюдно, не нужно лишних взглядов.

Встал. Огляделся.

Марвин и Грог нашлись у входа в коридор бойцов — уже переодетые, с номерками на запястьях, привязанными грубой бечёвкой.

Сайлас подошёл, будто просто поздороваться. Разжал ку-

лак — на ладони лежали два серебрянных браслета.

— Наденьте. Что бы ни случилось — не снимайте, пока не выйдете из ямы.

Грог повертел свой в пальцах, не понимая. Марвин просто надел — молча, как надевают то, чему доверяют не задавая вопросов.

— А делает он что? — спросил Грог.

— Увидишь, — сказал Сайлас. И больше ничего не объяснил.

Зал продолжал наполняться.

Где-то наверху коротко и сипло взревел рог.

Толпа откликнулась разом — свист, топот по деревянным настилам, выкрики с разных ярусов, будто ждали только этого сигнала.

Диктор что-то прокричал сверху — быстро, невнятно, явно не в первый раз за вечер. Разобрать можно было только последнее слово: «Начали!»

Бои шли один за другим — по всей яме сразу, на разных пятачках, лесенкой, как и обещал гоблин: взял верх — остаёшься, нет — уходишь в толпу мимо задних рядов, не оглядываясь.

Грог отвоевал свой первый круг быстро — соперник лёг раньше, чем толпа успела как следует разглядеть, кто перед ней. Марвин, за соседним столом, сделал то же самое — тише, руками, без единого слова.

К вечеру от обоих турниров остались единицы.

У края ямы стоял длинный стол, заваленный тем, что оружием называть было нельзя. Тупые тесаки со сколотыми лезвиями. Треснувшие дубинки, перемотанные проволокой. Ничего целого.

Троль подошёл первым — взял не со стола, а из ниши позади, отдельно: массивную шипастую булаву, без единой шербины. Никто ему слова не сказал.

Грог порылся в куче на столе. Нашёл два кастета — оба гнутые, костяшки сбиты, металл в трещинах. Один держался на честном слове, второй развалился прямо в руках. Отбросил тот, что разваливался. Второй натянул на правую руку — ту, где сидел браслет.

Грог вышел в яму с одной стороны. С другой уже ждал троль.

Троль поднял свободную руку. Медленно. Указал куда-то за Грога — на трибуну.

Грог обернулся.

На медной стене второго яруса было пятно. Большое, почти чёрное, с потёками вниз. Старое — но не настолько, чтобы его успели отмыть.

— Сейчас, — сказал троль на ломаном общем, с трудом складывая слова, — я тебя буду вбивать.

Грог смотрел на пятно. Потом на тролля. Сглотнул — один раз, коротко.

И рванул вперёд.

Сайлас на верхнем ярусе положил ладонь на коробочку у

пояса. Тихо. Не привлекая внимания.

Ждал.

Грог летел к троллю — тот даже не сдвинулся с места, просто занёс булаву. Три метра. Два. Полметра.

Рука с кастетом сама ушла вниз — к ноге, к поножи.

Грог почувствовал это в долю секунды раньше, чем понял: что-то тянет. Не он выбирал направление — его вело. Резко, уверенно, как будто кто-то взял за запястье и дёрнул именно туда. Он не стал сопротивляться.

Сайлас нажал.

Удар получился таким, каким не должен быть удар кулаком.

Резкий, хлёсткий, с визгом металла о металл — и стальная поножь разлетелась. Не согнулась, не слетела — именно разлетелась, как щепки при рубке сырого дерева, в разные стороны, с грохотом об медные стены ямы.

Толпа издала звук.

Не крик — именно звук. Один общий выдох, который бывает только тогда, когда никто не ожидал увидеть то, что увидел.

Троль опустился на одно колено.

Медленно, как падает что-то очень тяжёлое. Посмотрел на ногу — там, где была броня, осталась только кожа с вмятиной. Потом посмотрел на Грога. В глазах было что-то новое — не боль, нет. Удивление.

Он замахнулся.

Булава пошла широко, с разворота — Грог уже не был там. Три шага в сторону, ещё два — к стене. Нога оттолкнулась от медного листа, тело развернулось в воздухе. Траектория была одна — вверх и вперёд, к голове, к правому уху, туда, где шлем сидел плотно.

Сайлас нажал снова. Сильнее.

Браслет рванул руку к металлу так, что Грог почувствовал это плечом.

Удар пришёлся точно.

Шлем не слетел. Он вошёл — глубже, чем должен, — вдавленный в основание черепа с коротким тяжёлым звуком, после которого тролль перестал двигаться ещё в воздухе.

Он упал.

Яма вздрогнула.

Пыль поднялась с утоптанного дна и долго не оседала.

Грог стоял рядом. Дышал. Посмотрел на кастет — тот держался. На удивление.

Потом посмотрел наверх.

Нашёл Сайласа в толпе.

Сайлас убрал руку с коробочки.

Грог не ждал, пока осядет пыль.

Толпа ещё только начинала кричать — где-то наверху кто-то вскочил, кто-то опрокинул кружку, вой и свист катился по ярусам волной — а он уже шёл к коридору. Спокойно, не спеша. Дымка от поднятой пыли стелилась низко, скрывала дно ямы, скрывала его.

Он снял браслет с правой руки. Покрутил в пальцах секунду.

И бросил в темноту коридора, не оборачиваясь.

Больше мне это не пригодится, — подумал он.

Шум за спиной не утихал.

Пыль осела.

Тролля убирали долго — не потому что было тяжело, а потому что никто особо не торопился. Несколько человек тащили его волоком, пока ещё двое переставляли стол.

Новый стол был другим. Массивнее, ниже. Столешницу облицевали железным листом — ровным, без щелей. Сайлас улыбнулся.

Диктор что-то объявил сверху.

Толпа отозвалась.

Марвин вышел первым.

Из противоположного коридора — второй. Орк, но не такой, каким орк должен быть. Крупный, да — но двигался иначе, слишком мягко для своей комплекции. По рукам от запястий до плеч шли трубки — тонкие, плотно прижатые к коже, закреплённые металлическими кольцами. Внутри трубок — жёлтая жидкость, густая, чуть маслянистая. За спиной — небольшой баллон, из которого трубки и тянулись.

Марвин посмотрел на толпу.

Толпа знала. Это было видно по тому, как люди смотрели на трубки — не с удивлением, а с ожиданием. Прозвище «Красный Пресс» не требовало объяснений. Здесь не при-

нято было говорить, если кто-то жульничает — особенно в финале, особенно когда финалист давно привык выходить победителем.

Они сели.

Взялись за руки.

Удар по железному листу — начали.

Пресс играл.

Это было видно сразу — он не давил, он держал. Позволял Марвину делать попытки, чуть отступал, снова держал. Смотрел на него с выражением человека, которому интересно, сколько это продлится. Толпа смеялась — не зло, скорее как смеются над хорошей шуткой.

Марвин сделал три попытки. Четвёртую.

Тогда Пресс сжал пальцы.

Рука Марвина пошла вниз ровно, почти бесшумно — как идёт что-то тяжёлое, которое больше не держат. Удар о железный лист.

— Один-ноль, — объявил диктор. — Три боя. Кто возьмёт два — победил.

Дали минуту.

Марвин посмотрел на Сайласа.

Тот сделал короткий жест — подожди.

Марвин смотрел на него секунду. Потом отвёл взгляд.

Понял.

Рассчитывать нужно на себя.

Он опустил взгляд на свои руки. Сложил пальцы. Сделал

один неполный жест, второй — будто начал что-то и не закончил. Потом закончил.

Трансформация пошла от плеч — вниз, по всей длине рук. Медленно, с тихим хрустом, который слышали только те, кто сидел близко. Плечи расширились, предплечья налились, пальцы удлинились. Кожа от плеча до кончиков пальцев потемнела, покрылась жёстким волосом. Когти — короткие, тупые, не боевые. Медвежьи лапы от плеча до кисти — всё остальное осталось человеческим.

Толпа завывала.

Не восторженно — неодобрительно, с присвистом. Несколько голосов что-то выкрикнули.

Пресс поднял руку — открытой ладонью к трибунам.

— Тихо, — сказал он. И улыбнулся — широко, с удовольствием. — Так интереснее.

Толпа не утихла, но немного сбавила.

Второй бой был другим.

Медвежья лапа держала иначе — глубже, с другим распределением веса. Пресс это почувствовал — перестал играть, начал работать. Они боролись почти две минуты. Стол скрипел. Лапа Марвина медленно, с усилием, положила руку орка на железо.

Удар о лист.

— Один-один.

Финальный бой начался без слов.

Сели. Взялись. Удар.

С первой секунды было ясно, что никто не собирается ждать. Пресс давил сразу — без разведки, без игры. Марвин держал. Стол скрипел сильнее. Лапа против руки орка — два давления, два упрямства, и ни то, ни другое не отступало.

Минута.

Марвин начал брать.

Медленно, на волоске — но брать. Рука Пресса пошла чуть назад, потом ещё чуть. Угол изменился. Ещё немного — и всё.

Пресс сжал что-то левой рукой.

Негромкий щелчок. По трубкам побежала жидкость — быстрее, с пузырьками. Баллон за спиной тихо зашипел. Рука орка вдруг стала другой — тяжелее, тверже. Будто не человек — механизм.

Марвин почувствовал это раньше, чем увидел. Посмотрел на Сайласа.

Не сейчас, — качнул тот головой.

Марвин держал. Лапа медленно шла вниз — сантиметр, ещё сантиметр. Пресс смотрел на него в упор, спокойно, уверенно. Ещё немного. Ещё.

Лапа была почти у листа.

Сайлас поднёс руку к коробочке. Нажал.

Резко.

Изнутри запястья — импульс. Резкий, против всего, что давило вниз. Лапа рванула обратно. Силы столкнулись в одной точке — давление Пресса, жидкость в трубках под дав-

лением, и этот внезапный удар навстречу.

Трубка на запястье орка лопнула с коротким хлопком. Жёлтая жидкость брызнула на железный лист.

Рука Пресса сразу стала другой. Легкой. Пустой.

Марвин это почувствовал — и надавил.

Медвежья лапа пошла вперёд ровно, неостановимо. Пресс тянул из последнего — закрытые глаза, тихое рычание сквозь зубы. Не хватило.

Рука ударилась об лист.

Удар диктора.

— Два-один. Победитель — Марвин.

Тишина была недолгой.

Потом толпа взорвалась.

Толпа ещё не утихла, когда Марвин поднялся из-за стола.

Не спеша. Потёр правую лапу о левую — медленно, как трут руки от холода. Посмотрел на Пресса. Тот сидел, глядя на лопнувшую трубку, на жёлтое пятно на железе. Ничего не сказал.

Марвин тоже ничего не сказал.

Они нашлись у нижнего яруса — все четверо. Грог с рассечением над бровью и совершенно невозмутимым видом. Галатаэль сложил руки, оглядел Марвина с ног до головы — задержался на лапах.

— Ты так и будешь ходить?

Марвин посмотрел на руки. Трансформация ушла сама — тихо, пока он спускался. Обычные пальцы, обычные ладони.

Он сжал их и разжал.

— Нет.

Сайлас уже смотрел в сторону — туда, где у перил нижнего яруса стоял Ямс. Гоблин не смотрел на них. Смотрел на яму. Но по тому, как он держал руки — сложенными, спокойно — было ясно, что ждёт.

— Идём, — сказал Сайлас.

Они подошли.

Ямс выслушал их, не перебивая.

Потом помолчал. Посмотрел на яму — на железный стол, на мокрое пятно от жёлтой жидкости, которое уже кто-то вытирал тряпкой. Потом снова на Сайласа.

— Красивые бои, — сказал он негромко. — Очень красивые. Особенно финалы. — Пауза. — Я в этом деле давно. Кое-что замечаю.

Сайлас смотрел на него молча.

— Колючка тоже давно, — продолжил Ямс. — И тоже замечает. Если она узнает как именно вы победили — аудиенции не будет. Будет кое-что другое. — Он развёл руками с видом человека, которому искренне жаль. — Я мог бы ей рассказать. Или мог бы не рассказывать. Сам проводить вас к ней, лично, как добрый знакомый который рекомендует хороших бойцов.

— Сколько? — спросил Сайлас.

— Тысяча. Из выигрыша. — Ямс улыбнулся мелкими зубами. — И вам хорошо, и мне. Всем хорошо. А Колючка так

ничего и не узнает.

Они отошли в сторону.

Грог молчал — для него это был простой вопрос. Галатаэль смотрел в потолок. Марвин смотрел на свои руки — медленно, почти незаметно трансформировал их обратно. Хруст тихий, будто где-то далеко ломают ветку.

Сайлас кивнул.

Подошли к Ямсу.

— Согласны.

Гоблин потёр ладони.

— Ямс всегда в выигрыше, — сказал он. — Ямс просто иногда позволяет другим думать, что они выиграли первыми.

И пошёл к лестнице.

Верхние этажи были другими.

Тише. Коридор — узкий, но без запаха пота и горелого масла. Стены всё те же медные, но начищенные. Эфирные лампы здесь висели в небольших фигурных кронштейнах, не на скобах.

У двери в конце стояли двое. Не Багбиры — люди, но с таким выражением лиц, что разница была несущественной.

Обыскали молча, без лишних слов. У Галатаэля забрали три ножа, четвёртый, судя по всему, не нашли. У Грога — что-то тяжёлое с пояса. Марвина осмотрели, нашли посох — подержали, переглянулись, вернули. Палка и палка. Сайласа оглядели, задержались на механической руке — один из

стражников что-то спросил взглядом у второго. Тот пожал плечами. Оставили.

Один из них постучал. Открыл дверь.

Кабинет был не тем, чего можно было ожидать.

Большой — неожиданно большой для этого здания. Стены обиты тёмно-бордовым бархатом, местами с медными накладками в виде тонких побегов — не грубыми, литыми, а изящными. Пол застелен коврами, тяжёлыми, с геометрическим узором. Два высоких кресла у низкого стола, диван вдоль стены — всё тёмное дерево и мягкая обивка. На стенах — не гвозди с оружием, а рамы: внутри одной — старая карта без подписей, в другой — засушенное нечто с крыльями, явно не птица. На отдельной полке за стеклом стояли предметы: маленький кристалл, пульсирующий тёмно-синим, флакон с чем-то, что не хотело оседать на дно, небольшая рука из чёрного камня со сжатыми пальцами — явно не декоративная. В углу — эфирный светильник в виде стеклянного шара, внутри которого медленно двигалось что-то похожее на туман. Свет от него был мягким, почти тёплым.

За столом сидела женщина.

Тифлинг. Кожа фиолетовая — глубокая, ровная, без оттенков. Волосы тёмные, собраны небрежно, несколько прядей спадали на плечо. Платье тёмно-зелёное, закрытое, с медными пуговицами. Из-за спины медленно двигался хвост — тонкий, с острой пикой на конце, как у чертёнка с дешёвой гравюры. Только дешёвого здесь не было ничего.

Она смотрела на вошедших.

Потом её взгляд остановился на Галатаэле.

Задержался.

Галатаэль встретил этот взгляд — и не отвёл.

— Присаживайтесь, — сказала Колючка. Голос низкий, ровный, с лёгкой хрипотцой. — Редко вижу четырёх человек сразу, которые умеют ходить тихо.

Она посмотрела на Галатаэля ещё раз. Мимолётно — но он заметил.

— Итак. Зачем пожаловали?

Сайлас сделал шаг вперёд.

— Барлог дал нам камни. Сказал, ты можешь за них заплатить.

Колючка рассмеялась. Не громко — коротко, искренне, как смеются над чем-то действительно нелепым.

— Глупый орк. — Она покачала головой. — Платить будете вы, не я. Камни необработанные, нестабильные — с такими не каждый торговец возьмётся. Я могу продать вам информацию о том, кто возьмётся. Дело опасное. Цена соответствующая.

— Сколько? — спросил Сайлас.

Колючка открыла рот.

— Ты знаешь эльфийский род Старфилд?

Марвин. Он не повысил голос — но в нём было что-то, чего раньше не было. Настойчивость. Как будто этот вопрос он держал долго и решил наконец выпустить.

— Меня интересует Сильвер.

В кабинете стало тише.

Колючка смотрела на него несколько секунд. Потом медленно перевела взгляд обратно на Галатаэля. Оглядела его — спокойно, сверху вниз, снова вверх. Остановилась на лице.

— Тысяча золотых, — сказала она. — И вот этот мальчик. На пару часов.

У Галатаэля в глазах что-то загорелось.

Сайлас посмотрел на него. Потом на Марвина. Потом на Колючку.

И кивнул.

Колючка помолчала секунду. Потом посмотрела на Марвина — внимательно, как смотрят на человека, который только что задал вопрос не по делу, но задал его правильно.

— Старфилд, — сказала она ровно. — Знаю такой род. — Пауза. — Сильдар сейчас не в городе. Есть порт, называется Мокрый узел. При нём небольшой городок — Большой палец. Несколько дней от него — пещера. Он использует её как полевой штаб. Проводит там опыты.

Марвин не двигался.

— Надолго он там?

— Этого я не знаю.

Он кивнул. Медленно, один раз. Убрал взгляд в сторону — не на стены, не на артефакты. Просто в сторону. Туда, где ничего не было.

— Мне нужно туда, — сказал он тихо. Не группе. Себе.

Никто не ответил.

Колючка встала из-за стола.

Подошла к Галатаэлю — не торопясь, с той же уверенностью, с какой двигаются в собственном пространстве. Взяла его за руку. Слегка.

И повела к двери в глубине кабинета.

У порога обернулась к остальным.

— В соседнем здании есть комнаты. Оно моё — переночуете там. — Взгляд скользнул по Сайласу, по Грогу, по Марвину. Остановился на мгновение на Галатаэле — и чуть потеплел. — Вы хорошо заплатили. Я сегодня добрая.

Прищурилась. Полушёпотом — почти для себя:

— Не со всеми.

Дверь закрылась.

Грог смотрел на дверь несколько секунд.

— Про скупщика она так и не сказала.

— Утром, — ответил Сайлас.

Грог подумал. Кивнул. Это его устроило.

Глава 3. Мокрое дело

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.